

Спор за будущее

Пьер Булез и Саймон Рэттл
в симфонической программе Зальцбургского фестиваля

В Зальцбурге завершился знаменитый на весь мир фестиваль, на котором за месяц было показано 13 драматических постановок и 6 оперных, не считая нескольких концертных исполнений (одним из таких было исполнение «Самсона и Далилы» с оркестром Мариинского театра и Валерием Гергиевым). Однако этим фестиваль не исчерпывается. Помимо мощной театральной составляющей в его программе не менее важна концертная часть, по которой можно судить о последних модах в исполнительском искусстве. Количество концертов симфонической, камерной, вокальной и духовной музыки сложно даже подсчитать. Но наиболее статусными являются, конечно, оркестровые программы в Большом зале Фестшпильхауза — одной из самых престижных площадок мира, некогда построенной по проекту самого Караяна.

Известия - 2003 - 4 сент. - с. 13.

Екатерина БИРЮКОВА

Базовым оркестром Зальцбургского фестиваля является Венский филармонический, который неизвестно каким образом умудряется не только сопровождать большинство оперных постановок (в этом году — пять из шести), но и одновременно давать собственную, весьма обширную концертную программу. В этом году за пультом фирменной венской достопримечательности, уже несколько деся-

тилетий обходящейся без поста главного дирижера, вставала целая вереница звезд. Из наших соотечественников — Валерий Гергиев (под его палочку оркестр исполнил здесь «Реквием» Берлиоза) и его соученик по классу питерского профессора Ильи Мусина Семен Бычков, сделавший себе карьеру уже за пределами России. Кроме них с Венскими филармониками сыграли Риккардо Мути, Николаус Арнонкур и Пьер Булез.

Выступление последнего отличалось наиболее радикальной

программой. Композитор, дирижер, преподаватель и общественный деятель, главный авторитет французского авангарда многие годы был чемпионом по части исполнения музыки XX века. Для двух своих утренних зальцбургских выступлений (это были суббота и воскресенье, когда в зале собирается публика чуть более демократичная, чем обычно, что выражается в редких аплодисментах между частями с последующим возмущенным шиканьем) Булез выбрал Четвертую симфонию Малера и несколько работ Антона Веберна, в том числе классику ранней атональности — шестой и десятый опусы. Не самого комфортного для слушания Веберна венские музыканты сумели наполнить удивительной респектабельностью. Но еще более неожиданным оказался Малер. Симфония буквально утонула в какой-то долгой, красивой, дурманящей, будто навечно законсервированной истоме. Хотя, например, та же Четвертая симфония с Кливлендским оркестром в юбилейной булезовской

серии, выпущенная на «Дойче граммофон» к 75-летию маэстро, кажется на редкость бодрой и рациональной музыкой. Но на то Венский филармонический и гордится своей полутрадиционной историей, неизменностью традиций и твердостью характера, чтобы вносить коррективы в концепцию даже такого дирижера, как Булез.

Ничего подобного не происходит с другим традиционно выступающим в Зальцбурге, не менее легендарным оркестром — Берлинским филармоническим, который приехал с возглавившим его год назад Саймоном Рэттлом. Уроженец Ливерпуля, 48-летний Рэттл — представитель того поколения, для которого исполнение новой музыки уже стало признаком хорошего тона. Помимо новой репертуарной политики его имидж составляют экстравагантная одежда, запоминающаяся грива волос и детство, проведенное в джаз-банде отца. В прессе его называют не иначе как «поп-звездой за пультом». Его появление в Берлине было расценено как одно из самых позитивных

Дирижер Саймон Рэттл с чувственностью не знаком

явлений в культурной жизни новой немецкой столицы.

В Зальцбург Рэттл привез две программы, большую часть которых тоже составляла музыка XX века, хотя и показательно иного направления: Барток, Лигети, Рихард Штраус, модный 45-летний финн Магнус Линдберг. Надо всеми возвышался Стравинский с «Весной священной» — композитор, весь XX век проспориивший с нововенской школой (к которой принадлежал Веберн) за право первенства. Так уж вышло, что для России чуть ли

не эталонной «Весной» стала гергиевская — кровавая, дикая и чувственная. У Рэттла чувственности нет и в помине. Его «Весна» больше всего напоминает гремющую железную дорогу, пересекающую блеклые, невзрачные пейзажи. И Рэттл каким-то немислимимым способом доказывает удивительную красоту и небанальность этого урбанизма. После него за Стравинского можно не волноваться — будущее или хотя бы настоящее, пожалуй, принадлежит ему.

Зальцбург